

Денис Тербер

Родился в 1977 году в Ангарске. Окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Писатель, журналист, радиоведущий. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Новый берег», *Fantomas* и других изданиях. Автор трех романов и сборника малой прозы. Лауреат литературной премии «ДИАС», дипломант литературной премии имени Сергея Снегова «Прыжок над бездной», премии «Антоновка 40+», Одесской международной премии имени Исаака Бабеля. Живет в Ангарске.

Тепляк

Рассказ

Он сидел за столиком в углу и пил о чем-то своем. Странно, но я узнал его по сутулости. Лица видно не было, да и вспомнил бы я его спустя тридцать лет? Вряд ли. Зато я живо вспомнил все, что с ним случилось тогда, в детстве.

***

Январскими вечерами 1989 года, когда город укрывало снегом, а морозы стояли до того лютые, что костный мозг, казалось, превращается в кристаллики льда, нашим мальчишеским убежищем становился Тепляк – комнатка в подвале пятиэтажного дома. Там горела желтая лампа, а вдоль стен тянулись трубы с торчащими втулками (почему-то работники ЖЭКа не оставляли на вентилях маховики, а приносили и уносили их с собой). Низкий потолок позволял разве что сидеть в комфорте. Что мы и делали, приспособив для этого крепкие ящики из-под пива. Четыре таких же ящика, составленные друг на друга, заменяли нам стол, а лежащая поверх фанера придавала этому сооружению законченный вид.

Народу собиралось немного: максимум пять-шесть старшеклассников из соседних домов и я, проживающий прямо над Тепляком, только на третьем этаже. Обычно мы играли в карты. Поначалу резались в дурака, потом возник азарт и перешли на очко и храп. Нередко, когда денег не имелось, на кон ставили сигареты или жвачку.

Главным в компании был Цыба. Его авторитет зиждился на высоком росте, бандитской физиономии и нескольких сверхспособностях вроде умения прыскать слюной

сквозь диастему или метать нож с закрытыми глазами. К тому же он был на год-два старше остальных. И в карты, разумеется, играл неплохо.

Место Цыбы находилось напротив входа, там, где трубы не были слишком раскалены и позволяли прислониться к ним спиной. Остальные члены джентльменского клуба рассаживались кто где, в зависимости от времени своего появления в подвале. Но ящик Цыбы никто не занимал, даже когда там было свободно: явится главарь и придется искать себе новое пристанище, а выглядеть это будет унизительно.

В тот вечер мы сидели в Тепляке вчетвером: я, Цыба, мой одноклассник Борис и соседский мальчишка Марик – самый младший и щупленький в нашей команде. По лицу Цыбы блуждало выражение самодовольства: то ямочки на щеках возникнут, то огонек в глазах блеснет, то сдержанная улыбка на мгновение исказит рот. На столе возле его правого локтя лежала небольшая стопка купюр – в основном рубли и трехрублевки, а рядом со стопкой – обширная поляна выигранных монет. Марик сидел напротив Цыбы и напряженными пальцами держал перед лицом четыре карты. Все знали, что вчера Марик проиграл серебряную цепочку, тайком взятую у матери, а сегодня где-то раздобыл деньги и надеется ее отыграть. Мы с Борисом расположились по боковым сторонам стола.

– Вертолет, – произнес Марик.

Все переглянулись. Заявление обозначало, что у него есть козырный туз и шестерка. Кроме того, после «вертолета» игроки не имели права выбывать и менять карты. Марик, безусловно, полагался на удачу, и она, проказница, его подвела. Две остальные карты у него оказались дрянными, зато у Цыбы, как назло, сидели козырные дама и король. Марик забрал лишь одну взятку на туза и по за-

вершении игры остался с последней монетой в двадцать копеек.

– Давай в очко. Один на один, – предложил он Цыбе, словно нас с Борисом рядом не было.

Цыпа пренебрежительно глянул на монету, добавил в банк свою и передал мне колоду. Я раскинул им карты. Марик набрал семнадцать очков, запросил еще карту и получил девятку – перебор. Цыба остановился на восемнадцати очках и победил. Он забрал сорок копеек и добавил их в серебряно-медное море у себя под локтем.

Совсем побледневший Марик глядел на стол и не знал, что ему делать. На стене за его спиной красовалась броская надпись «AC\DC» со стоящей в середине стрелой-молнией. Казалось, что молния бьет Марика прямоком в темечко, а он сжимается и прячет голову в плечи. Цыба разглядывал лицо поверженного противника с интересом. Он ждал предложений.

– Давай в долг, – проговорил Марик.

Цыба сунул в рот спичку и поводил челюстью в знак отказа.

– Чем отдавать будешь? Тебе никто не займет.

Марик поочередно взглянул на нас с Борисом и понял, что поддержки с флангов ждать не следует.

– У меня дома золотая цепочка есть, – сказал он Цыбе. – Она двадцать рублей стоит. Предлагаю за пятнадцать.

– Нет, – без раздумий ответил Цыба. – Это не твоя, а родичей твоих. Они обнаружат и тебя за жабры возьмут. Мне проблемы ни к чему.

Марик вскочил с ящика, едва не стукнувшись головой о потолок.

– Проблемы ни к чему? Тогда серебряную отдай! Я верну все, клянусь!

- Ишь ты! Отдай... – протянул Цыба. Он явно испытывал удовольствие. – Сколько ты мне вернешь?
- Сходим в магазин и посмотрим, сколько она стоит.
- Вдвойне отдашь, – безжалостно проговорил Цыба.
- Что? Почему вдвойне-то?
- Тебе же ее позарез возвращать нужно. За позарез и надбавка.

Марик сжал губы, точно удерживая прорывающееся из рта ругательство. Ругаться на Цыбу было опасно. Ничего не придумав, он сел на ящик и обреченно опустил голову.

- Мамка заметит – что мне говорить? – сказал он.
- Твои дела, – сухо отозвался Цыба.

Громко загудела вертикальная труба в углу. Мы обеспокоенно повернулись на звук: не лопнет ли она, обдав всех присутствующих кипятком, – такое, говорят, случилось. Только Марик продолжал таращиться в пол.

- Хочешь, поставлю на кон свой сон? – сказал он неожиданно.
- Сон? – удивился Цыба. – Это еще как?
- Как-как... Просто! Если я проиграю – отдаю тебе свой сон. Я знаю как.

Цыба перекинул спичку с правого края рта в левый, подумал немного и с усмешкой ответил:

- Ну ладно, давай. Пять копеек за твой сон ставлю.
- Двадцать! – оживился Марик.

Сошлись на десяти. По кивку Цыбы я снова взял колоду и начал выдавать карты. На этот раз Марик набрал шестнадцать очков. Посомневался недолго и пальцем потребовал еще карту. Ему достался валет. Восемнадцать очков – в общем-то, неплохо. Цыбе выпал король, десятка и шестерка – двадцать очков. Он забрал свой десяток и вопросительно взглянул на совершенно поникшего Марика.

– Когда?

– Сегодня ночью отдам, – пробормотал Марик. Он медленно поднялся, вышел из комнаты и сквозь подвальную тьму побрел к двери. На секунду-другую мы услышали, как завывания ветра снаружи стали громче, затем все стихло. Никто в тот вечер так и не понял, что за странная сделка состоялась в Тепляке.

В следующий вечер мы собрались той же компанией. Некоторое время играли в дурака, затем в чешского. Про деньги пока никто не заикался – все понимали: раз молчит Марик, значит, у него нет ни копейки. Цыба держался странно. Он не давал никому указов, разговаривал сдержанно, словно перестал считать себя нашим лидером.

– Давай в очко раскинем, – неожиданно предложил он Марику.

– На сон? – уточнил тот.

– На сон.

– Пятьдесят копеек.

– Почему пятьдесят?

– А ты знаешь, каково это – отдавать свои сны?

Цыба откинулся спиной на трубы, скрестил руки на груди. На его лбу противно, как гусеница, зашевелилась выпуклая горизонтальная складка.

– Ладно. Пятьдесят так пятьдесят.

Нашему с Борисом удивлению не было предела. Вчера мы посчитали, что Марик от безысходности предложил какую-то чушь, а Цыба разжалобился и согласился. Но сегодня мы ощутили жуткую серьезность происходящего. Страшным было это возникшее между Цыбой и Мариком взаимопонимание.

Борис раздал им карты. Выиграл Цыба – ему пришло «золотое очко» из пикового и червового тузов. Странно, но Цыба вроде и не обрадовался победе, а как-то успокоился и снова превратился в обычного Цыбу – запихал

спичку в зубы, начал шутить, а потом вдруг поднялся, сказал «до завтра» и ушел.

Марик вышел через полминуты, ровно в тот момент, когда мы приготовились засыпать его вопросами.

Игра по принципу «сон вместо денег» продолжалась еще неделю. Все это время Цыба ревностно охранял состав нашей компании – все прочие в подвал не допускались. Один особо непонятливый мальчишка даже получил кулаком под глаз, прежде чем его вышвырнули из Тепляка. Раздражение Цыбы нарастало еще и потому, что он начал проигрывать. Несколько дней Марик уносил с собою по два или три рубля, сам же продолжал ставить на кон свои сны. Наконец он заявил, что хочет назад серебряную цепочку. Цыба возражать не стал – вернул ему цепь и предложил полтора рубля за сон уже без всякой игры.

– Нет, – сказал Марик. – С меня хватит.

Цыба достал сигарету и подкурил от бензиновой зажигалки. Он демонстративно нарушал им же самим установленное правило – не курить в подвале. Дым из Тепляка проникал в квартиры на первом этаже, и нас запросто могли прогнать, но Цыбу уже занимали более важные дела.

– Почему хватит? – спросил он подчеркнуто спокойным тоном.

– Это тяжело, – пояснил Марик. – Я устал.

– Потерпеть не можешь ради друга? Ты просил цепочку вернуть – я вернул. Хотя мне за нее уже кое-что обещали. Ну так как?

– Полтора рубля мало! – Марик довольно дерзко посмотрел Цыбе в глаза. – Сегодня сон стоит пятерку.

– Пятерку? А ты не оборзел? Почему это?

– За позарез.

Пока Цыба докуривал, мы молчали, только гул воды в трубах нарушал тишину. От Цыбы ждали всего чего

угодно, но только не того, что он сделал. Он затушил сигарету об обитый жестью угол ящика, отшвырнул окурок, затем достал из внутреннего кармана пальто стопку банкнот, отсчитал пять рублей и выложил на стол перед Мариком. Тот, недолго думая, забрал деньги и поднялся.

– Сегодня ночью, как обычно, – сказал он и вышел.

Мы молчали, не отваживаясь обратиться к Цыбе за разъяснениями. Наконец Борис, видимо решив начать издали, спросил:

– Цыба, а как ты отличаешь собственный сон от чужого?

Цыба осмотрел меня и Бориса с некоторым недоумением, словно до этого принимал нас за неспособных к разговору низших существ.

– А если тебе вместо твоей тетради по математике выдадут чужую, ты заметишь разницу? – сказал он, тоже встал и направился к выходу.

Страшное произошло в воскресенье вечером, когда меня в Тепляке не было. Цыба снова попросил у Марика сон, но наш щупленький друг до того осмелел, что повысил цену до десяти рублей.

– Сегодня у меня столько нет, – сказал Цыба. – Давай в долг?

– В долг не дам, – заявил Марик. – Ты мне занимал?

Вместо ответа Цыба схватил мальчишку за волосы и шибанул лицом о стол, да так сильно, что кровь из сломанного носа залила фанеру. Это Цыбу только раззадорило. Он вскочил и принялся бить Марика о стены, затем заметил на трубе торчащую втулку от вентиля и опустил голову несчастного так, что втулка эта вошла в глазницу. Присутствовавший при этом Борис в ужасе убежал из Тепляка. После он рассказывал участковому, что слышал от Цыбы одну и ту же фразу: «Все у тебя заберу... все заберу...».

Битого и окровавленного Марика на скорой увезли в реанимацию, где он провел несколько дней, балансируя между жизнью и смертью. Затем он полгода лежал в разных больницах, и ему делали операцию за операцией. Глаз мальчишке сохранить не удалось, но все остальное у него со временем пришло в норму.

Цыбу с того вечера мы больше не видели. Оказалось, что у него уже имелся условный срок. Цыба испугался и на попутках отправился в какую-то алтайскую деревню к бабушке. Там его вскоре поймали и упекли в колонию для несовершеннолетних.

Затем я и сам надолго уехал из города: наша семья двинулась вслед за офицерской карьерой моего отца.

***

Он сидел за столиком в углу и пил о чем-то своем.

Народу в баре пока было немного: несколько потягивающих пиво студентов, мужик в белой шляпе и две накачанные коктейлями девицы. Экраны в разных концах зала показывали одно и то же – шоу каких-то прыгающих синих человечков.

Я узнал его по сутулости.

– Марат?

Он повернулся, и я сразу понял, что узнал бы это лицо даже с жуткими отметинами. Нос – кривой от сложного перелома. Вокруг правого глаза – шрамы, уходящие и вниз, и вверх. Вместо самого глаза – неподвижная имитация.

– Привет! – Кажется он искренне обрадовался. – Сколько лет не виделись? Садись ко мне. Ты один?

– Пока один, – сказал я, присаживаясь. – Жду тут кое-кого.

Одет Марик был неброско, но аккуратно: синие джинсы, кроссовки и не по погоде теплая флисовая толстовка

с молнией на горле. Я старался не смотреть на искусственный глаз, но Марик будто нарочно демонстрировал его, поворачивался нужной стороной. Позже я догадался для чего: этим он внушал собеседнику неловкость, добивался сочувствия.

Я заказал ему еще водки, которую он пил. Себе взял виски с вишневым соком. Обсудили разную безделицу: кто где работал, есть ли жена и дети. Затем он попросил тысячу взаймы. Налички у меня не оказалось. Я предложил перевести на карту, но Марик сказал, что давно ее потерял.

– Сейчас ко мне знакомый подойдет – возьму у него, – пообещал я и добавил: – Надо же, кажется, я так и не видел тебя с того дня в Тепляке... Ну, до того, как это случилось. – Я повел бровью, указывая на его правый глаз. – Он стеклянный?

– Раньше был стеклянный, точнее акриловый. Недавно силиконовый поставили.

– Чувствуешь разницу?

– Да не особо.

Мы выпили еще по одной, и, набравшись решимости, я спросил:

– Тебе, наверное, неприятно вспоминать, но все-таки... что за история была со снами?

Он заглянул себе в пустую рюмку, словно надеялся увидеть на дне какой-нибудь сюрприз вроде обручального кольца. Посмотрел на меня с улыбочкой.

– Никакой истории, ты что. Просто я Цыбу разыгрывал.

Естественно, я не поверил. Хмелея, подумал: как мне вывести его на честный ответ? Может, напоить? Выпили снова, и я прямо сказал:

– Слушай, Марат, если не расскажешь, на тысячу и не рассчитывай.

– Вот ты как... Сразу видно, что бизнесмен... Ну ладно. Что хочешь знать?

– Как это – передавать сны? Что за способность такая?

– Откуда она взялась, не знаю. Сколько себя помню, чувствовал это в себе. Первый раз передал сон своей сестре, потом – боялся. А там уже Цыба подвернулся.

– А почему его так понесло, я не понимаю? Ну сон да сон.

Марик вытарачил силиконовый имплантат на пустую стопку. Выглядело это смешно, и мы оба похохотали. Очевидно, он научился использовать свой недостаток в самых разных целях. Я заказал еще спиртного.

– Понимаешь, дружище, – продолжал Марик, – на создание сна мозг тратит уйму ресурсов. Слышал, что ночью активность в голове больше, чем днем?

– Слышал.

– Потому, когда человек получает чужой сон, он испытывает нечто вроде эйфории. Освобождается много энергии, и она усиливает яркость впечатлений. Ну и сами впечатления... Ты видишь все под неожиданным углом, тебе ведь показывают продукт чужого сознания. Это как оказаться в шкуре другого человека, да еще принять... ну, может, кокаин, не знаю... В особенности если сон хороший. Сложно объяснить, в общем.

– Понятно. Но почему Цыба так взъелся?

– У некоторых появляется зависимость. Цыба оказался из таких.

Я подумал, что мог бы попросить Марика передать мне сон за небольшую плату. Но после случившегося в Тепляке никогда не решился бы на такой эксперимент. Тут до моего понимания дошло кое-что важное.

– Постой, – проговорил я ошарашенно. – А ты откуда про ощущения знаешь? Сам чужие сны видел?

Он замялся ненадолго и сказал:

– Еще пару штук подкинешь? И я тебе все расскажу.

«Люди совершенно не меняются с годами», – подумал я и обещал занять ему три тысячи.

– Мои способности вовсе не уникальны, – проговорил Марик. Его язык уже ворочался с трудом. – Есть другие люди, которые могут так же – отдавать сны. Есть некий клуб по обмену снами, я вступил в него, когда мне было двадцать пять. Мы собираемся раз в неделю и устраиваем обмен. Точнее, собирались. Сейчас это все в прошлом.

– Почему?

– Потому что меня исключили. Прощтрафился... Мало того, что исключили, – еще и лишили способности делиться снами.

– За что?

– А как ты думаешь? За ту историю с Цыбой.

– В чем там твоя вина?

– Видишь ли, существует старое правило: сны нельзя продавать, отдавать за деньги. Все должно быть добровольно, безвоз... тьфу... мездно. Не знаю, кто и зачем это придумал. Кажется, я еще в детстве знал об этом, чувствовал каким-то образом... что это... нехорошо. В общем, меня исключили.

– Но как они узнали? Это ведь было тридцать лет назад.

– Узнали. Наверное, из моего же сна.

Я вспомнил его, сидящего на ящике из-под пива, – жалкого щуплого мальчика со втянутой в плечи головой.

– Марат, можешь не отдавать мне деньги. Считай это подарком.

В единственном живом глазу не мелькнуло ни намек на благодарность. Очевидно, мой друг вовсе не планировал возвращать долг.

– Иногда я вижу их, людей из клуба, – сказал он. – Их в городе мало, но есть и другие города.

– Общаетесь?

– Они делают вид, что не знают меня, избегают. Наверное, есть какой-то запрет на общение. А ведь они мне ближе, чем любовницы. Мы обменивались самым сокровенным. Ну в чем я виноват? Мне тогда едва четырнадцать исполнилось. И я боялся, что родители про цепочку узнают. Каково мне было – никого ведь не волнует. Да и правила эти – кто-то мне их объяснял, а?

– Может, они тебя простят когда-нибудь и вернут в клуб?

– Простят? – Марик задумался. – Почему ты так говоришь?

– Не знаю. Бывает ведь такое, что прощают.

– Да, может быть, – пробормотал он. – Никогда почему-то не думал об этом. Возможно. Хорошо было бы.

В баре появился приятель, которого я дожидался. Я отошел, позаимствовал у него четыре тысячи наличными, а когда вернулся, Марика за столиком в углу уже не было. Он скрылся, так и не взяв у меня денег.

В этот вечер, изрядно поддав, я захотел увидеть Тепляк. Вызвал такси и доехал до своего прежнего дома. Многое здесь поменялось за три десятилетия. Лавочки, столбы, деревья, качели – все было другим. И дверь на входе в подвал стояла новая. Она, конечно же, оказалась закрытой.

Покачиваясь от принятого алкоголя, я долго стоял и размышлял. Правду ли мне рассказал Марик? В этом не было сомнений. Но почему он так и не взял деньги? И на этот вопрос я, подумав, нашел ответ.

***

После той встречи в баре я Марика больше не встречал. Но спустя много лет мне вдруг приснился необычайно ясный сон. Я сидел на диванчике в просторной ком-

нате, похожей на люксовый номер в отеле. Собственно, я и не был собой, как часто случается во сне. И того «другого меня» переполняло счастье. В комнате находилось еще четверо: двое мужчин, подросток и пожилая женщина в синем платье. Я испытывал приятную общность с этими людьми. И все окружающие предметы казались родными и угодными для глаз. И мир вокруг был свежим, ярким, безгрешным, словно его только что создали для вечности.